

АННА ГЛАЗОВА

ОПЫТ СНА

ЧУВСТВО

1.
чувство обратной зависимости
когда вдруг поймёшь
что всё твоё — не твоё
а только
будет принадлежать
когда-то,
не собственному лицу,

"чей ты?" —
не из причин
поколений
а из-за следствий вместо причин
чувствуешь
что выходишь
как из дома
на следующий день.

2.
чувство подкожного стука
и чувство
хрупкого равновесия
нужного для ходьбы —

это покров
(прозрачнее и неразрывнее даже
чем подол богородицы)
для пяти уязвимейших чувств.

под покровом мы немо
созвучны биениям
нас поднимающих и роняющих
наших же
низостей и высот.

3.
чувство, очнувшись,
трогает ум:
ум простёрт
не чувствуя края,

только нет ни порядка
ни прямого угла
в их скрещениях,

только доля проста:
можно коснуться
не повредившись
в чутье.

4.

нужен ветер
из середины земли
чтобы почувствовать теплоту смерти
и от неё отвернуться
к жару боли,

чтобы свесить ногу проснувшись
на сосновый пол и вспомнить о лесе,

а не о досках.

5.

когда паводок — наводнение
тогда и чувство: потоп;

но всё же оно — поток,
он — из талого
перетекает в далёкий,

и она, даль,
и в близость втекает
из-под тёмных костей, корней,

разветвляющих то, что течёт,
вверх к облакам:

"всё течёт"
только часть всего
что сливается.

6.

помрачение-просветление,
из него выход в ясность:

тайно работал
точился
ключ
истончая тебя источая:

очнёшься
в потоке
шумит голова и тяжесть,

но чувство —
нагота и внутри.

ЧУВСТВО ЗИМЫ

*

когда ветром вдруг дунет
из исходного сада
понемногу
растворяется кожа
и сними кожу и сними тело и сними сердце и сними свой огонь
и останься вода
и растворись
и исчезни прозрачность
где её нет там и исчезнуть нельзя,
.....
вернёшься. долгие часы идёт преображённый снег. таять.

*

то как весной проступает на коже солнце
только у человека (и есть ли у солнца
в таком случае кожа?) — это следы по которым
читается не людьми страдание в людях
которого изнутри не узнать и не высказать.
красивое солнце водит лучами землян в школу боли.
даже смерть и жизнь оттуда, от солнца, и терпение,
и нетерпение, свёрнуты в общую длинную цепь распадов на солнце.

*

вблизи цветов пахнет костром
потому что они себя жгут
для обогрева нетопленных дней.

не опаляет их жар
а опыляет
возрастающим светом отверстие
на все стороны небо.

персть перстами,
пыль пальцами удержи,
пусть на тебе увядают
дни, остывает до пепла белый свет дня.

*

тополиный пух
добрее лебяжьего:
на него не ложатся мокрым лицом,
под дождём он не тает
и, как соль на вкус резче снега
и кость внутри тела белее чем камень
(потому их кладут на могилу),
он — белее, он летом хранит в себе, не холодном, одну белизну.

*

иной рождён в холод
не в рубашке а в мешковине
всякому брат
кто не одет;

или сестра
подпоясана сразу
ещё слепым первоцветом
рождается с даром
видеть далёкое рядом;

или

рождайся в шелест
опавших листьев
семижды жилиста
в растущую ночь.

*

есть кому тёплая кровь
не помешала сойти в холодную воду;

значит,
есть хладнокровные
кто взошёл в облака.

так же
входишь в свой ум
как в опасную влагу,

чтобы продолжить
не род
а необжитые
способы жить.

*

на случай случайности
у судьбы есть
краплёные карты.

если участь
совпала с участием
связь с явью
разъята

и выпадает
(как на голову снег)
от колоды
отколотый ноль.

*

покрыто ли снегом,
прикрыто ли камнем,
лежалым,
лежащим,
не без разницы ли тебе,
или радость,

и потому:
выходи из себя как если бы есть куда,
будто
за простором — бесследность,
будто вихрем разметаны
(а не пропали)
силы.

*

... и повесил на дверь:

с такого-то дня
с такого-то часа
отменяется время,
сумерки и рассветы не в счёт;

там, где за словом скрывается жест,
развернутся другие отчёты,
на всё лягут с тяжкой руки лёгкие руки.

между ними и будет считаться
то забытое
что отменили.

с такого-то дня.

ВНЕ ЯВИ

*

разбужен стуком в своей же клети
(грудной голос — это такой какой не доходит до рта)
ты намеренно ищешь сплетения толще чем твоё тело
чтобы не слышать свиста обрывочных снов, недодуманных мыслей
которые прежде тебя поднялись в воздух
и ты для них — как соловей для разбойника —
не добыча,
и они для тебя — как соловей для больного бессонницей —
свист.

*

ослепление темнотой того что за сном –

за ночными глазами того
кто смотрит в сторону где кончаются чувства:

за зрением распускается
(нитью и розой) пространство;

за осязанием тело становится тканью
из волокон тревоги;

и за слухом открывается место для
немного внимания.

*

мыслимый край между

явью и сном –
неровный берег на котором
жар и холод меняют значение
потому что неравная
дрожь пробирает
в прибое когда
этим волнам на мыслимом крае

отдашься.

*

сны можно пытаться без страха и боли.
только в снах, в живых, не кончается сила и кровь.
каждый режущий угол
испытующего ума
будет втянут и выгнут;

но безоружная, обострённая чуткость
может не победить
а овладеть и связать собой
вязкость сна.

*

онемели –
вот и молчите, пальцы,
пока руки пусты –
о чём говорить

и сквозь эту глушь
не ощутить и
ответной боли,

но в каком-то невидимом теле
за границей сознания
это становится
просто

частью
дыхания.

*

смерть не забвение
а познание,

то неустанное
которое в нас разъедает силы
делает слабость яснее,

ясность
даётся где
— в силах —
забвением
становится жизнь.

*

одновременность дней и ночей
прожитой и не прожитой жизни
вложена в каждый взгляд человека
прежде чем он научится говорить
и позднее чем сумеет молчать

и в одном всплеске радости
или углублении печали
поднимается и убывает
(как приливы, отливы)

тот особенный ряд
поворотных мгновений

от рождения до смерти.

*

все
из невозможных миров,
ставшие вспышкой в сознании,
точкой боли в тебе,

открыты

мгновенным беспмятством,
чьим-то миром,

и скрыты
за поворотом ума.

*

не исподнее
не подноготная
а проница —

и даже не взглядом
а незнанием-знанием
собранным в точку
под кожей на пальцах —

там —

где намертво врезан рисунок
кладущий печать,
необъяснимо,
к чему ни притронься,

там, ты, меня распахнуло
в целую жизнь
как в сад окно.

*

как в кедре совмещается
хвоя смола и — в зёрнах — тяжёлое масло —

умещается
как
умащивается —

в кедровую тень погружаясь
ты на воле,
ты в воле
тебя из всего воздуха
притянувшего (так тянется день
дерева мерой смолы)
дыхания дерева: его выдох — твой вдох:

так делится воздух.

*

ореховая ветка,
внутренний зелёный –
я, уменьшившись, вхожу туда –
как в стену –
как в стену из воздуха. лезвие.

у нас
круглые зрачки. почему?
чтобы то что нам светит
и что нас окружает
нас охватывало,

помимо нас.

время
отправления в пробуждающий
и безмолвный
(это – цвет),
из молчания свивается свет,
падает
в сердцевину.

*

у деревьев в коре
множится многое из живого,
у людей и зверей под корой
множатся сны.

ночь не ходит одна.
она вылетает
на тьме крыльев,

и когда ты летишь
потому что ты насекомое
или когда ты летишь, человек,
потому что тебе это снится,

это значит что ночь
ищет новых путей
и в любой страшный сон
ты влетаешь затем
что заброшен.

*

это работа:
смотреть в землю так
чтобы она не ушла из-под ног,

и забота:
держат в себе жизнь
даже во сне
когда
становится легче
от неё — от тебя, твоей яви —
совсем оторваться.

*

если уменьшиться
до размера зрачка
(или меньше)
можно войти как
обратный солнечный луч
в глаз, в чёрное красное море за ним.

там и остаться.

столько соли в том море
что и самый горький живой
в нём не утонет
если уснёт — если совсем уснёт —
лёжа и забывая, теряя
свой вес.

*

прикосновение лечит.

(когда тайным составом
мертвеца спасают от тления
касание рук означает мёртвую воду;)

снадобье

тихо

как знание знахаря

из тебя исходящее

меняет состав

того жидкого

в чём только и держится то

что можно — если забыться —

назвать собой.

*

иногда так
ложится
рука между лопаток
что сквозь них
вдруг открывается
яма в небо;

туда можно было бы провалиться и лечь

если бы небо
не означало:
отсутствие дна.

*

если к ладони
свою приложить ладонь,
отдавая,
линии лягут друг к другу
как построчные переводы
нечитаемой книги.

ты не поймёшь смысл линий,
ты почувствуешь силу —
постигая —
постигшую
твой простор, как рукой охватить.

*

стыд
это красное покрывало
чтобы под ним скрыться.

те кто его прят
отступили из голого света
в ткань без веса. этой тёмной материей
скрыта от мрака —
как от ока —
ночь под которой
как в утробе дитя
укрывается день.

*

место где тени
в продолжение ночи
вырастают в подобья домов
где даже не люди — недомовые
несут с собой собственный дом
в пузыре с милой землёй и болотом,

и ты смотришь
в свои руки
будто в них под касаниями
накопился густой отпечаток
и ты должен увидеть в нём жизнь.

*

убывание сил
по мере ненадобности
убыток (как бы обмылок)
за собой оставляет
слабую чистоту
в остывающем помутнении
при неполной луне.

*

не из бедра родиться
не выйти из ребра
а исчезнуть в ключице
как в чужом сновидении прежде начала:

можно ждать
до растворения мира
чтобы над явью иссякла
власть ключей.

*

около края событий
всегда светло как в комнате
и дотуда нужно дойти
чтобы увидеть цвет (серый) времени
и услышать пение в связках
не совсем (как дерево) прочного мира
и вобрать в себя разность и величину
вычтя из общего целое
и оставить у края всё что похоже (на похожее
и) на остаток

*

ОПЫТ ЯВНОГО СНА

когда в память
впускаешь беспмятство
и не ты дойдёшь до границ
а с тобой рядом встанут
бродячие стены,
не совсем молча.
их ощупать —

просыпаешься не до конца
потому что комната
раздвигается вместе с тобой
на одну явь испытанного.

ПОЛОВИНА ТРЕЗВОСТИ

*

дневные заботы
не требуют верности
а только сухого закона привычки.

из ночного сока твоей темноты
добывается вера –

не чаще чем
не забывается сон
один на двоих.

*

но, подожди, мы ещё с тобой опоздаем; ещё живут близкие,
их уже увезли в гости, и они там уклончиво отвечают,
ждать ли совсем нас. берегут от них нашу неясность.
не всегда получается сделать молчание
сосредоточенным, понимаешь? они и не думают, их сердце легко,
в их комнатах много пространства; нам, привлечённым в углы
уже немного скатавшейся пылью, серебристой в лунном луче,
кажется часто что лучше уснуть чем так без близких быть, так
не разделять с ними сладость плохого ночлега, и что тут скажешь,
и я не знаю, зачем нужны разговоры в скупое на ясность время.
но это затем, ты отвечаешь, чтобы и ночью молчание могло бы быть выбором.

*

"она ему — локон со своей головы
он ей — запечатанное письмо
чтобы потом проглотить
как яд или причастие".

но у тебя внутри темнота
и у меня темнота
и её не хоронить
а хранить
нужно не завтра,

сейчас.

*

время похоже
на не видимое глазу лицо
состоящее из морщин
и каждая изменяется
как извивы песка по пустыне
и чем глубже в морщину
тем больше в ней
позабывших, спасённых движений,

и слепое лицо
следит за движением
может быть и
сложившейся складки
в которой меня прижало к тебе.

*

в зазор между именем и лицом
помещается ровно голос,
в зазор между именем и названием –
ровно умение говорить.

зазорами
узнавая
различия –

различая –

имеешь лицо
и
разоблачаешься в имени.

*

в беспомощных руках –
вся память.
как орбиты вокруг всего.
все цвета неуклонно
сливаются
в чёрно-белый шрифт воспоминания,
или жизнь не-растения
дотлевет до простого скелета.

известь.
это то что известно,
что прежде людей сохраняется

(вся твоя жизнь оседает надолго
у меня в остатках костей)

нами, ими, теми
кто едва сводит с концами
концы человеческой жизни.

*

вглядись в яснотку
близко,
до слепого пятна,
до неясности,

где ещё искать знание
что цветок — это запах,
зверь — мясистость печали,
человек — радость и грусть разговора?

там где близость,
кончается ясность,

закрываешь глаза вблизи запаха
закрываешь,
опуская в сок губы,

закрываешь и рот
когда разговор
течёт не так как вода
а как кровь или слёзы.

*

мыслимый предел
(не к которому а который)
близится как зеркальная пыль,

где мысль
собрана свёрнута и отброшена
в обратимое равенство:

звёзды созвездий — в тёмные точки
созвездий на собственной коже
того кто помыслил предел,

в равенство мысли — пределу,
тела — мысли,
безвременья
телу.

*

мир бывает изогнут
в месте где изгнана даль
в безотрывную близость.

свет в глазах —
сам истребитель веса —
в нём подвешен
и свет, то есть мир.

вместо исчезновения
твоя невесомость,
и мне нужно
всегда её поднимать.

*

тяжёлое сердце,
свой плод,
носить его не сносить —

ещё никто
не рождал своё сердце,
невыносимое,

слишком малое чтобы
из груди выйти
и затихнуть
припав к груди.

*

ангел
смерти состоит из одних перьев,
на вид острых,
их прикосновения легки:

это касания стрелок,
строго чертящих пространство,
и тебе они непонятны,
как летательный аппарат
птиц и воздушная почта,

это он на тебя примеряет
черновой рисунок пером,
и ты не шелохнёшься,
как бездыханный
почтовый лист,
когда на нём пишут и
чертят.

*

позади нас — древний страх
с невидящими глазами,
впереди — древний,
невидящий.

страх — дитя,
он хотел бы
чтобы мы были его леденцами,

потому он не видит,
когда мы, леденя,
не становимся твёрже.

*

нужные вещи
сделаны из нужды
и потому они — голод и холод,
не истлевают и не хudeют.
из нужды сплетён грубый край мира.

важные вещи — значат,
они невесомы как свет
и различать то что значит
и то что ты значишь
не нужно а важно
чтобы знаки делили,

кроили,

полный свет с темнотой.

*

твоя рубашка —
ближе к сердцу
потому что в неё-то
меня пеленала судьба
пока меня почти
не было и не будет.

*

у всего живого
тыльная сторона
не похожа на лицевую,
оттого и живое:

тянется к ладони
повёрнутая ладонь
(исчезает слева от тени старая луна,
через ночь появляется, тоже тонкая, справа),

скажи — узкий резец
по телу, по свету и времени
выжигает края,
ясно, скажи —
вижу.

*

слёзы лежат под правым лёгким души
(как природный уголь под нетяжёлой почвой)
если слёзы достались –
значит нужны были чтобы топить
близкое глазу
нутро.

*

мир расходится клином,
воронкой,
там где тесно
как в зрачке у тебя,

мир не сходится,

и в надломах,
жива-нежива,
смотрит нескладность
в расходящийся клин.

*

вот остов дерева-погорельца:
сгорело до стен самого себя,
себе, опустевшему, стало домом.

ты в себе тоже носишь
не сгоревшее рано начало,
из которого рос,
смотришь из глубины
(как из себя ушедшее дерево смотрит в огонь) —

и я так и запомню.

*

черновая запись

очищает лист,
чистовая – оттеняет
то чему не хватало бы глубины
не самой тёмной ночью.

у того
что сказано начерно
есть —

(как у рыбы
не чающей воздуха
спрятан в недостижимой тьме тела
воздушный пузырь,
как во сне — повод проснуться)

или будет — твой, скрытый,
знак перехода.

*

что же.
бывает что станет
что станет
(а не "будет что будет"),

что в одном полужесте
проскользнувшем движении в лице
"что было то было" превращается в "стало"

и с тем же движением
за собой оставляет
незаживающий след,
живущую жизнь.

*

ветер — это внезапно проснувшееся молчание
припавшее к слуху
с возвращением в явь.

на ветру слух становится телом
как дыхание в свирели;

ты вернёшься в себя
вброшен в память порывом
одевающим (как бывает со снегом в лицо)
и ожогом и холодом.

ПОБЕГИ

*

так сливаются реки
текущие с разных высот,
одна темнее, другая светлей,
водные сумерки их середина

(не полночь, не полдень
а сумерки – середина ночи и дня)

не половинна, полна
та полоса
где две воды
и теряют и обретают
имя.

*

междуречье:

широкие разделы, без возвышений,
только голос, вне слов.

река и речение:

вот река, которая
начинается в море
и кончается в море;

вот другая,
отгеснена,
впадает в себя
и в
себя же.

*

в этом спокойном омуте,
посмотри, и ты не заметишь,
открывается водоворот
(это рот пьющий спокойствие);
то
что
стояло на месте,
чувствуешь, вокруг тебя закружилось:

это ось искавшая место
проникла в твою середину
и то
что
и раньше тянуло
за её поворотами
в ней
находит
текучий вес.

*

ино-
гда — ударяя в землю —
молния превращается в реку,
иногда — застывает в столп
расплавленного песка.

иногда устье реки
похоже на простёртую молнию
и река — не река а это я говорю
чтобы меня
превратило
в иное или
в ином.

*

огонь с неба
и огонь с земли
похожи только
теплом и светом.

в молнию не подбросишь поленьев,
в жизнь — сил,

если тебе
небо ближе,
светляки ближе чем
на земле простёртый
как мёртвый
огонь.

*

луна – кусок земли,
земля — кусок звезды,
хотя кажется что звезда меньше;

и ты – тоже – недра,
и то что в тебе кипит
похоже на солнце
и разговор между звёзд,

и память прозрачной луны
о впадинах.

*

что смотрит на невидящего рядом с невидимым?
та же сила которая крутит
оперённые стрелки на плодах ломоноса
по мере
не человеку нужных часов.

россыпь плодов, поле воронок
в траве, в мелководье –

знаки чей разум захвачен
прочим смыслом –

стрелки птиц с прямым носом –

приметы
открытого зрения.

*

ты глядишь в живой камень —
загорается
красным прозрачным твёрдым и прочным
дыхание камня.

всё что было твоим внешним,
станет его утробой,
жидким — прожилкой.

твёрдой, ты знаешь, в тебе ещё
не была душа,
окаменеет — станет в камне
его весом,

чтобы он внутрь себя, вглубь себя
рос —

чтобы его
нашли.

*

железо — природный стыд камня,
где камни краснеют, там их лицо.

если лечь с камнем,
можно отяжелеть
его долговечным потомством:

пустотой
остающейся в горах
после огненного извержения
и теплом
остывших каменных струй
ставших руслом горных ручьёв.

*

внешне сердце похоже
на сердце лежащее в пальцах,
внутренне — на пожатие руки.

твои руки могли бы быть сердцем
если тело попав в них
не удержалось бы
а вышло из кожи
будто вытолкнуто как кровь

в проходимые
разветвления
дней.

*

будет твой спутник,
спутанность,
сеть,

в ней по петлям
идёт
(как воздух в воздушных путях)
тяга, ты, притяжение —

идёт жизнь
или тянется.

*

незнание
не избавляет
от необходимости сделать шаг
и
невозможности шага.

шаг — падение,
небытие
обеих ног на твёрдой почве,

а без шага не
соединиться
с постоянным движением земли,
прибавляя неверным шагом
к собственно верности
присутствия в мире;

есть

косой угол
по которому соскользнёшь
со всей точностью
в неизбытое
постоянство.

*

испытание временем
это когда оно — пытка
тянет жилы и вяжет узлы

а когда ты не медный и не резиновый
а из горстки земли сделан
и божьего воздуха

то тянуться ты можешь
только как дерево:

из влаги и к свету.

*

неуязвим в человеке
только общий
для всех
огонь.

брат дым,
я пламя не ем,
я ем мёртвое мёртвых.

брат слеза,
не язва глаза,

я в дым не смотрю,
вижу живое.

*

прошлое —
не скелет с косой
не старик с клюкой —
кто-то, что-то вовремя не дошедшее
потому что тебя не было дома —

возвращается словно пар
в под паром лежащую землю
в тебя и в тепло тела.

ты его, своё тело,
словно милого гостя
не ждал.

*

излом и излучина —
потому что вода,
не ломается,
в неё проникают лучи
не чтобы исчезнуть
а чтобы она
научила
как преломляется луч
сквозь извне и внутри
этим (для уха не различимым) всплеском
повернуть всё течение
будто оно — гора, и её обращают
силы, вода, идущие с неба;

поворот.

*

величина уха приложенного к тишине
не сравнима
с зеркальностью шума
в приложенной к уху
скрученной временем
пустоте раковины.

в слуховом зеркале
нет берегов;

но без лишнего шума
прислоняется
ухо к твоему уху
и расширяется слух.

*

в воздухе есть воля к полётам
в воде — к накоплению глубины.

если невольно
выходит на волю
то что ничто не влекло
и ни к чему не склонялось

значит,
воля к побегу,
к побегам
во всём что растёт

освобождается только
в чистом забвении тесноты.

*

из-под лежащего камня
вода течёт
если должен оттуда
ручей начинаться,

и меня тоже выносит
из-под исчезновения:
из человека выносит
(или сам он выносит)
то что сложилось,

и где оно развернётся
выйдет наружу,
будет различие между
течением и ничем.